

И.Н. ТИМОФЕЕВ*

КАК ИССЛЕДОВАТЬ ПОЛИТИКУ САНКЦИЙ В ПРОЕКТЕ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ АТЛАС СОВРЕМЕННОГО МИРА 2.0»?¹

Аннотация. Исследовательский проект «Политический атлас современного мира 2.0», как и предшествующий «Политический атлас современности», предоставляет внушительный инструментарий для изучения структур, образуемых современными государствами. Тем не менее остается ряд существенных проблем, одной из которых является сложность учета переменных, связанных с инструментами экономического влияния. Такие инструменты используются в современной практике весьма часто. Речь, прежде всего, об экономических санкциях, которые представляют собой механизм ограничений в области торговли, финансов, транспортного сообщения и иных связей для достижения политических целей. Подобная ситуация порождает закономерный вопрос: в каком виде оптимально учесть параметр экономических санкций в «Политическом атласе современного мира 2.0». Основной тезис состоит в том, что санкции могут отражаться как в виде внешней угрозы для современных государств, так и в качестве инструмента их внешней политики. То есть в терминах указанного проекта информация об использовании санкций может применяться как в индексе внешних и внутренних угроз, так и в индексе потенциала международного влияния. В статье проводится анализ возможности использования данных переменных в той логике, в которой проходил

* **Тимофеев Иван Николаевич**, кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории Факультета политики и управления, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия); генеральный директор, Российский совет по международным делам (Москва, Россия), e-mail: mctimoff@mail.ru

¹ Статья подготовлена в рамках консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Тимофеев И.Н., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.02.13

отбор остальных переменных проекта: анализ основного понятия, состояние эмпирических исследований, вопросы теории, операционализация понятия в виде отдельных переменных. Исследование политики санкций могло бы стать отдельным подпроектом в рамках «Политического атласа современного мира 2.0», определяя его развитие не только с точки зрения обновления и расширения основной базы данных, но и развития отдельных специализированных тем в рамках общей рамки проекта.

Ключевые слова: Политический атлас современного мира 2.0; государство; санкции; политика санкций; ограничительные меры; база данных.

Для цитирования: Тимофеев И.Н. Как исследовать политику санкций в проекте «Политический атлас современного мира 2.0»? // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 282–299. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.13>

Исследовательский проект «Политический атлас современного мира 2.0» (далее по тексту – «Атлас 2») – как и его предшественник «Политический атлас современности» (далее по тексту – «Атлас 1») – предоставляет внушительный инструментарий для изучения структур, образуемых современными государствами. Уже «Атлас 1» позволил посмотреть на привычные для ученых-международников параметры мощи государств в сочетании с информацией о специфике их политических систем, особенностях их государственности, характеристик качества жизни и стоящих перед ними вызовов и угроз. В конечном итоге в «Атласе 1» произошло сочетание проблематики науки о международных отношениях и более широкой повестки политической науки. Основным преимуществом «Атласа 1» стала возможность взглянуть на образуемую государствами структуру мира в разных проекциях, преодолевая линейный взгляд на него. Так, например, демократия далеко не всегда конвертируется в устойчивую и суверенную государственность; высокий уровень угроз не обязательно обрекает страну на низкое качество жизни; государство может занимать место в числе избранных великих держав, независимо от характеристик политической системы, а подчас и отдельных параметров развития [Политический атлас современности..., 2007; Мельвиль, Миронюк, 2020; «Политический атлас современного мира»..., 2023; Ахременко, Горельский, Мельвиль, 2019 а; Ахременко, Горельский, Мельвиль, 2019 б].

И все же «Атлас 1», как и любой крупный исследовательских проект, содержал определенные пробелы. Одним из них стала сложность учета переменных, связанных с инструментами эконо-

мического влияния. Разумным шагом авторов проекта было включение в число переменных объемов ВВП, экспорта и импорта, отражающих размер экономики. Другим параметром был процент голосов страны при принятии коллективных решений в МВФ, который косвенно указывал на ее экономические возможности. О потенциале экономики косвенно говорили оборонные расходы, наличие ядерных вооружений и иных высокотехнологичных оборонных систем. Очевидно, что могут их себе позволить в основном государства со значительным экономическим потенциалом. Вместе с тем проект упускал из вида тот факт, что экономические возможности сами по себе могут использоваться в качестве инструмента принуждения в международных отношениях. И если параметры военной силы были отражены в числе переменных, то наличие и практика использования инструментов экономического принуждения в нем отсутствовала. Между тем такие инструменты используются в современной практике весьма часто. Речь, прежде всего, об экономических санкциях, которые представляют собой инструмент ограничений в области торговли, финансов, транспортного сообщения и иных связей для достижения политических целей. Очевидно, что в одном проекте вряд ли возможно собрать все возможные параметры. Но санкции явно выделяются на общем фоне как с точки зрения растущей частоты их применения, так и с точки зрения возможности нанести ущерб государству-мишени. Тем более что на протяжении последних десяти лет санкции активно применяются против России и используются во все большей степени самой Россией [Timofeev, 2023]. Подобная ситуация порождает закономерный вопрос: какой формат учета параметра экономических санкций будет оптимальным для «Атласа 2»?

Основной тезис состоит в том, что санкции могут отражаться как в виде внешней угрозы для современных государств, так и в качестве инструмента их внешней политики. То есть в терминах «Атласа 2» информация об использовании санкций может применяться как в индексе внешних и внутренних угроз, так и в индексе потенциала международного влияния. Вместе с тем исследование политики санкций могло бы стать отдельным подпроектом в рамках «Атласа 2», определяя его развитие не только с точки зрения обновления уже привычных баз данных, но и отдельных специализированных тем в рамках общего проекта. Целью предлагаемой статьи является анализ возможности изучения политики санк-

ций как в рамках непосредственно «Атласа 2», так и как возможного узкоспециализированного ответвления проекта.

Что такое санкции?

Санкции представляют собой ограничительные меры в области торговли, финансов и иных сфер экономики, которые страна или страны-инициаторы применяют в отношении стран-мишеней, чтобы добиться определенных политических целей. В числе таких целей – смена курса страны-мишени во внутренней или внешней политике, сдерживание ее военного, экономического и технологического потенциала, изоляция экономических связей с другими игроками и т.п. [Giumelli, 2016; Timofeev 2023]. Санкции – это инструмент принуждения во внешней политике, который используется в ситуации конфликта [Jaeger, 2018]. Такой конфликт не обязательно должен быть интенсивным. Санкции могут использоваться даже против союзников, причем более эффективно в сравнении с ограничениями в отношении противников на международной арене [Drezner, 1999]. В отличие от применения военной силы, они значительно менее рискованны для инициаторов, но при этом могут наносить внушительный экономический ущерб странам-мишеням, отдельным секторам экономики, компаниям и лицам. Санкции вполне могут сочетаться с применением военной силы, как это произошло в случае Ирака в 1991 и 2003 гг. и Югославии в 1999 г. Однако в отношениях между великими державами санкции имеют смысл как инструмент принуждения и сдерживания, который можно использовать, не переходя порог эскалации к открытому военному конфликту.

Базы данных применения санкций: «старая школа»

Попытки создания баз данных о применении санкций отдельными государствами предпринимались неоднократно. Одно из наиболее часто цитируемых исследований – монография Г. Хуфбауэра и его коллег. В основе их проекта – база данных о применении санкций с начала XX по начало XXI в. Единицей анализа является отдельный случай применения санкций, который может

включать в себя ряд входящих в него эпизодов. Полученные данные дали богатую фактуру о распределении санкций между странами-инициаторами (лидерами являются США); о целях санкций (от смены политического режима до влияния на политический курс); о соотношении экономических потенциалов стран-инициаторов и стран-мишеней (инициаторы зачастую превосходят или значительно превосходят мишени по своему экономическому потенциалу); о достижении инициаторами поставленных целей (лишь в одной трети случаев санкции достигают своей цели) [Hufbauer et al., 2009]. Другой пример – база данных Н. Бапата и его соавторов, в которой тестируется влияние ряда факторов на успех достижения целей санкций. Среди таких факторов – объем нанесенного ущерба, коалиционная политика инициаторов, соотношение экономических потенциалов инициаторов и мишеней, политические режимы стран-инициаторов и стран-мишеней и др. [Bapat et al., 2013]. Г. Бейштекер и его коллеги собрали базу данных о случаях применения санкций СБ ООН. В предложенной ими базе единицей анализа также выступает отдельный случай использования ограничительных мер [Beirsteker et al., 2016]. Ф. Джумелли с коллегами использовал сходный подход к изучению политики санкций ЕС [Giumelli et al., 2021]. В целом базы данных, объединяющие случаи применения санкций с присущими им характеристиками (информация об инициаторах, мишенях, их целях, потенциалах и результатах применения санкций), стали своего рода «классикой» или «старой школой» подобных исследований.

Санкции: новые тенденции и методологические проблемы

Несмотря на то что «классический» подход до сих пор применяется, он все же не может в полной мере отразить новые тенденции использования санкций и эволюцию инструментария ограничительных мер. Одна из базовых тенденций последних двух-трех десятилетий – появление и стремительное расширение практики использования таргетированных («умных») санкций. Основная идея таких санкций – ограничения в отношении отдельных лиц и организаций, непосредственно связанных с той или иной проблемой, а не в отношении страны в целом. Вместо того чтобы

наносить ущерб всей стране и населению, таргетированные санкции задумывались как инструмент наказания отдельных «представителей режима», террористов, нарушителей прав человека, а также изоляции связанных с ними бизнесов и активов. Ключевым инструментом стали так называемые блокирующие финансовые санкции. Как правило, они предполагают заморозку активов таких лиц в юрисдикциях стран-инициаторов, а также запрет на экономические транзакции с заблокированными лицами. Лидером в применении блокирующих санкций стали США. С учетом того, что американский доллар является удобным и распространенным средством международных транзакций и резервной валютой, власти США получили широкие возможности отслеживать финансовые транзакции и при необходимости блокировать их. Глобализация американоцентричной финансовой системы позволяла выйти в применении финансовых санкций далеко за пределы территории США. Впоследствии блокирующие финансовые санкции стали активно применять ЕС, Великобритания, Канада, Япония и другие западные страны. В ряде случаев они согласуют свои ограничительные меры, как это происходит в отношении России. С недавних пор блокирующие санкции используют Россия и Китай.

Распространение блокирующих санкций породило ряд методологических проблем. Прежде всего размываются границы отдельного случая как единицы анализа. Например, блокирующие санкции могут использоваться как ответ на нарушение прав человека или в качестве меры борьбы с международной преступностью. В таких случаях диада «страна-инициатор vs страна-мишень» становится неочевидной. Применение блокирующих санкций США против главарей японской якудзы по программе противодействия международной преступности вряд ли говорит о том, что США применяют санкции против Японии как государства. Впрочем, в иных случаях связь блокирующих санкций с государством-мишенью более очевидна. Так, большинство российских лиц, заблокированных США, ЕС и другими западными странами, явно связываются инициаторами с Россией и украинским конфликтом. Но и здесь возникают ситуации, когда по данной тематике под санкции попадают лица и организации из третьих стран, сотрудничающие с российскими заблокированными лицами. Границы отдельного случая опять же размываются. К тому же неясно, что считать эпизодом применения санкций в рамках случая –

отдельный «пакет» санкций или же ограничения против отдельного лица.

Размывание границ отдельных случаев и эпизодов порождает и другой вопрос – как оценивать результативность блокирующих санкций? Через влияние на политический курс страны-мишени в целом или же изменение «поведения» отдельных заблокированных лиц? В последнем случае задача существенно усложняется, так как под санкциями могут оказаться тысячи лиц. Кроме того, изменение политических позиций таких лиц или организаций далеко не всегда означает изменение позиции государства и далеко не всегда ведет к отмене санкций против данных лиц. Например, некоторые из заблокированных российских лиц критиковали правительство России за политику в отношении Украины. Но это далеко не всегда приводило к снятию санкций в отношении данных лиц. А если санкции и снимались, то это не влияло на курс страны в целом.

Здесь же возникает еще одна проблема – сопоставимость заблокированных лиц. Условный крупный банк, условный военнослужащий, губернатор или депутат парламента могут считаться единицами наблюдения. Но в реальности ущерб от санкций в отношении крупного банка потенциально гораздо выше ущерба от санкций против военнослужащих и политических деятелей. Сложность определения «веса» заблокированных организаций и лиц ставит под сомнение популярные цифры о «количестве санкций», которые нередко считаются по числу лиц и организаций в санкционных списках. Например, в венесуэльском случае блокирующие санкции против компании PdVSA – ключевой государственной нефтяной компании – по своему ущербу должны перевешивать блокирующие санкции против всех политических фигур страны вместе взятых. Между тем и PdVSA, и политические фигуры являются формально одинаковыми единицами списка заблокированных лиц США.

Наряду с блокирующими финансовыми санкциями используются и другие ограничительные меры, что лишь усугубляет методологические проблемы. В их числе – торговые санкции, то есть запреты на экспорт и импорт. Исторически именно торговые санкции (эмбарго) были ключевым инструментом ограничительных мер. После окончания холодной войны такие ограничения масштабно использовались США в отношении «стран-изгоев», таких как Иран или КНДР. Технологический рост Китая привел к

развитию экспортных ограничений США в отношении КНР в области высоких технологий. После начала Специальной военной операции РФ на Украине США, ЕС и ряд других западных стран обрушили на Россию огромный объем торговых ограничений [Timofeev, 2022]. По экспорту речь о сотнях наименований товаров двойного назначения, промышленных товаров и «товаров роскоши», по импорту – о сырьевых товарах, таких как нефть, нефтепродукты, уголь, золото и др. Как учитывать данные ограничения? Как примирить в базах данных различные единицы анализа? Ведь очевидно, что лицо или организация не может быть равноценно товарной позиции. Узел проблем закручивается еще сильнее с учетом того, что ряд торговых санкций являются таргетированными, т.е. вводятся в отношении как стран, так и отдельных лиц (как это делают США в отношении Китая). Кроме того, есть и другие инструменты санкций – от транспортных ограничений до такой экзотики, как запрет на перевозки нефти и нефтепродуктов в случае, если цена контракта на них выше определенного порога (oil cap).

«Спрятаться» от упомянутых проблем можно в методологии «старой школы». Случаем можно было бы считать введение любых санкций, основанием которых является политика страны-мишени. Санкции по функциональным проблемам (права человека, терроризм, преступность) можно выводить в отдельные случаи, а под эпизодами можно было бы понимать любые новые санкции, закрепленные отдельными решениями властей стран-инициаторов. Но такой подход приведет к стерилизации многообразия реальной политики.

Еще одна проблема состоит в том, что на санкции можно посмотреть не только с позиций диады «государство-инициатор vs государство-мишень», но и с позиций «государство-инициатор vs бизнес». Например, третьи страны могут не присоединяться к режиму санкций против государства-мишени. Но бизнес из этих стран де-факто может соблюдать санкции США и других инициаторов, опасаясь вторичных санкций (ограничительных мер за обход уже существующих режимов санкций) со всеми вытекающими последствиями для возможностей транзакций в американских долларах и иных валютах, для удержания данными компаниями долей рынков в странах-инициаторах и т.п. Кроме того, такие компании и лица могут оказаться фигурантами административных и уголовных расследований властей стран-инициаторов. Например, Китай

не присоединяется к односторонним санкциям США против Ирана или России. Но китайские банки и крупные компании с большой осторожностью работают с данными юрисдикциями, опасаясь ограничительных мер США и учитывая уже существующий опыт (например, уголовное и административное преследование компании ZTE, уголовное дело в отношении финансового директора компании Huawei Мэн Вэнджоу, вторичные санкции в отношении компании Cosco Shipping Tanker и др.) [Тимофеев, 2023 б]. Опыт изучения штрафов Минфина США в отношении компаний – нарушителей режима санкций показывает, что, однажды попав под штраф, они не повторяют нарушений [Timofeev, 2019; Тимофеев, 2020]. Поведение бизнеса можно учесть в специализированных базах именно по данному узкому вопросу [Тимофеев, 2023 а]. Новые реалии политики санкций учитываются в разнообразных проектах, сфокусированных на отдельных аспектах применения ограничительных мер. Но учесть такие особенности в методологии «старой школы» крайне затруднительно.

Вопросы теории

Визитной карточкой «Атласа 1» стала тесная связь каждого индекса, на основе которого ранжировались страны мира, и даже отдельных переменных, с теми или иными теориями и концепциями политической науки. Очевидно, что отражение экономических санкций в числе переменных также потребует такой концептуальной проработки. В числе наиболее очевидных теоретических рамок изучения политики санкций (по крайней мере, на уровне фундаментальной теории) напрашивается реалистская теория международных отношений (ТМО). Реализм в ТМО имеет множество вариаций, однако он содержит ряд базовых допущений. Международная политика представляет собой взаимодействие рациональных игроков (государств), преследующих свои интересы. Ключевыми являются интересы безопасности и выживания, так как международные отношения характеризуются состоянием анархии и возможности «худшего сценария» применения силы одних государств против других. Власть и принуждение, навязывание сильными своей воли более слабым – постоянные спутники международной политики. Хотя она и не исключает сотрудничества,

сама возможность соперничества оставляет в арсенале внешней политики инструменты давления на оппонента и его сдерживания. Для реалистов таким ключевым инструментом является военная сила. Однако санкции также вполне подходят на роль такого инструмента, который дополняет или заменяет применение силы. Проблемы реализма хорошо известны. Например, он не объясняет, почему при сопоставимой мощи Китай использует санкции значительно реже США, или почему США используют санкции против своих союзников. Нет убедительных ответов и на вопрос, почему отдельные государства уступают давлению санкций, а другие нет [Ананьев, 2019; Тимофеев, 2023 в].

Важно и то, что «Атлас 1» явно выходил за пределы базовых допущений реализма. Проект учитывал привычные для данной парадигмы параметры военной мощи. Но другие переменные, описывающие характеристики политических систем государств – качество жизни, особенности государственности и специфику угроз – делали проект содержательно богаче допущения о том, что международные отношения сводятся к борьбе за выживание и власть. «Атлас 1» показывал картину, более близкую к поздним версиям реализма, рефлексировавшим реалии глобализации, но при этом сохраняющим акцент на лидирующей роли узкой группы государств. Разнообразие проекций современного мира сближало «Атлас 1» с положениями о комплексной взаимозависимости современного мира. Хотя методология проекта и не давала возможности выявить сети такой взаимозависимости, «Атлас 1» показывал кластеры государств, чьи уникальные характеристики явно не сводились к военно-политическим составляющим. К одному из таких кластеров относились страны ЕС. Применительно к политике санкций примечательным является то, что явный недостаток военно-политической составляющей своего внешнеполитического арсенала Евросоюз компенсирует активной политикой экономических санкций.

Однако с момента завершения «Атласа 1» прошло полтора десятилетия, за которые в мире произошли существенные изменения. С одной стороны, обостряется соперничество крупных игроков. С другой стороны, политизируются те механизмы комплексной взаимозависимости, которые раньше считались едва ли не «глобальными благами». Происходит то, что Г. Фаррелл и А. Ньюман обозначают как «вепонизация взаимозависимости» или «взаимозависимость как оружие» [Farrell, Newman, 2019]. В основе глобаль-

ной экономической взаимозависимости лежит разветвленная финансовая система, многонациональные цепочки поставок и добавленной стоимости. К ним относятся и глобальные информационные ресурсы в виде социальных сетей и поисковых систем, на основе которых формируются многопрофильные платформы и экосистемы самых разных сервисов. Однако значительная часть таких сервисов, цепочек поставок или их критически важных элементов сосредоточена в руках американских компаний. Их деятельность регулируется национальными органами власти, которые могут принуждать компании к той или иной политике в соответствии с интересами безопасности США. В частности, электронные сервисы могут как минимум использоваться для сбора данных. Их возможности формировать информационную повестку также высоки. Санкции – тоже инструмент использования взаимозависимости как оружия. Занимая центральное место в системе мировых финансов и определяя технологический облик критически важных товаров, таких как электроника, США могут наносить существенный ущерб странам-мишеням. Опыт масштабных санкций против России подтверждает возможность тотальной «вепонизации» взаимозависимости, но также показывает, что санкции не могут обрушить экономику крупной державы даже при условии ее относительно небольшого веса (по валовым показателям) в мировом хозяйстве. Более того, появляется стимул уходить от взаимозависимости, которая может использоваться в политических целях. Россия сегодня находится в авангарде проектов по диверсификации мировых финансов. Ее успех не предопределен, но сама тенденция становится все более заметной. В условиях растущего санкционного давления ставку на собственные силы постепенно начинает делать и Китай, хотя о полном разрыве экономик Китая и США, в том числе в технологической сфере, говорить пока преждевременно. Политика санкций – один из индикаторов происходящих в мире изменений, требующих теоретической рефлексии.

Санкции и «Атлас 2»

Есть два возможных пути включения информации о санкциях в «Атлас 2». Первый – добавление отдельных переменных в индексы. Наиболее очевидный шаг – отражение санкций в числе пе-

ременных, отражающих внешние и внутренние угрозы. Переменная могла бы быть сформулирована в виде вопроса «Действуют ли в отношении страны односторонние ограничительные меры (санкции) зарубежных государств в области финансов, торговли, транспорта или иных сфер?» и предполагать простую шкалу «Да / Нет». На первый взгляд, это простой вопрос. Но даже он таит сложности как в плане источников информации, так и интерпретации данных. Довольно просто собрать сведения о санкциях США, ЕС и в целом западных стран. Сложнее обстоит дело с государствами, чья правовая система в области санкций закрыта, а их ограничительные меры попросту не отражены в открытых источниках. Например, Иран ведет политику ответных ограничений в отношении ряда стран. Но полный список введенных ограничений и стран остается до конца неочевидным. Политика Китая в области санкций все в большей степени отражается в национальном праве, но Пекин может использовать в своей практике неформальные ограничения [Rosenberg et al., 2020]. Экономические ограничения могут использовать друг против друга и относительно небольшие страны. К тому же последствия от санкций, очевидно, неравномерны. Санкции США против Ирана потенциально наносят больший ущерб, а, значит, являются и большей угрозой, чем ответные меры Ирана. Возникает вопрос о «добавленной стоимости» переменной в таком виде. Решением может быть сужение переменной к следующему вопросу: «Применяются ли против страны ограничительные меры США и/или других стран Группы семи, а также ЕС?». Такое сужение имеет смысл, поскольку ответ гораздо проще найти в открытых источниках (и подтвердить его). С учетом значительной роли в мировой экономике и финансах данных стран, особенно США, их санкции в любом случае наносят тот или иной ущерб. При этом учитывать можно только режимы санкций по странам, не включая в анализ ситуации, когда блокирующие санкции используются в отношении отдельных лиц по функциональным проблемам (права человека и т.п.). Это позволит не исказить картину, хотя из нее выпадут отдельные точечные санкции США против своих союзников, таких как Турция или Саудовская Аравия. Методологической проблемой здесь является также искажение распределения источников угроз в пользу США. Тогда как Китай или Россия тоже могут использовать ограничения, весьма неприятные для оппонен-

тов. В реальности политика санкций представляет собой «огонь» инициаторов и мишеней друг по другу.

Еще один вариант – оставить в числе вопросов только санкции США. Основанием могла бы стать как роль США в мировой экономике, так и тот факт, что в XX и начале XXI в. Вашингтон вводил санкции чаще, чем все остальные страны и международные организации вместе взятые [Hufbauer et al., 2009]. Очевидно, что такой вариант существенно облегчает задачу поиска информации и ее проверки.

Санкции целесообразно учитывать и в качестве параметра потенциала международного влияния. Здесь вопрос можно было бы сформулировать следующим образом: «Наличие у страны или международной организации, членом которой она является (в случае ЕС), правовых механизмов односторонних ограничительных мер и прецедентов их использования за последние пять лет». Такая формулировка отсекает область неформального применения санкций, которые далеко не всегда можно зафиксировать в открытых источниках. Но и здесь возникают проблемы. Так, например, Мальта – член ЕС, который ведет активную политику санкций. Это значит, что у Мальты в данном вопросе будет положительный ответ. Но положительный ответ будет и у США, то есть исход по данной переменной для США и Мальты одинаков. Количественные отсечки числа введенных мер проблему здесь не решают, так как и США, и ЕС в последние два года применяют их в сопоставимых объемах (по крайней мере, в отношении России). Положительные исходы можно было бы присваивать только тем членам ЕС, которые имеют собственные национальные правовые механизмы политики санкций и опыт их применения в обход ЕС. Но здесь уже будет искажение в пользу Польши или стран Балтии, которые вводили собственные санкции, например, в отношении Республики Беларусь. Уравнивание США и Мальты представляется меньшим злом, тем более что в некоторых других параметрах потенциала международного влияния «Атласа 2» (как и «Атласа 1») тоже заложены такие обобщения. Например, наличие на вооружении многоцелевых боевых самолетов четвертого и пятого поколений уравнивает такие разные страны, как США и Румыния. Кроме того, способность страны быть частью более широкой коалиции может рассматриваться как возможность повышения потенциала ее влияния.

Добавление указанных переменных могло бы обогатить основную базу данных «Атласа 2». Однако для полноценного исследования политики санкций все же требуется отдельный проект, который мог бы развиваться в общей рамке консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ для совместного осуществления исследовательского проекта «Политический атлас современного мира 2.0». Для него целесообразно создать отдельную базу данных, которая отражала бы диадные отношения между странами, типологию вводимых ограничительных мер, их политические результаты в виде изменения курса как инициаторов, так и мишеней, влияние на поведение бизнеса из данных стран (например, в виде попадания под вторичные санкции или уголовное преследование за нарушение режимов ограничительных мер). Охват такой базы данных можно было бы ограничить только инициаторами санкций и их мишенями, а не включать в нее все страны мира. В плане исследовательского дизайна такой подход возвращает к принципам баз данных «старой школы». Его методологические проблемы могли бы решаться качественными исследованиями отдельных случаев. Подобные проекты в рамках большого «Атласа 2» могли бы вестись и по другим темам, таким как использование военной силы в международных отношениях, но с возможностью насыщения данными основной базы «Атласа 2».

Заключение

Итак, мы указали на возможности учета политики санкций в проекте «Политический атлас современного мира 2.0». Такая работа может быть продолжена в той же логике отбора переменных, их обоснования и операционализации, которая была свойственна «Атласу 1». Последовательность шагов включает в себя понимание того, что именно отражает то или иное явление, включаемое в анализ, какое выражение оно имеет в категориях политической науки и международных исследований, каков опыт эмпирического и теоретического изучения данных явлений, о каких проблемах он говорит, как можно отразить данное явление в списке переменных уже «Атласа 2» и с какими методологическими проблемами и искажениями можно столкнуться на выходе. Политика санкций вполне может получить свое отражение в «Атласе 2» как минимум в виде

двух переменных. Последующая обработка может показать, как именно данные переменные связаны с другими параметрами и в какой степени они объясняют отличия между странами.

Однако напрашивается и более важный вывод. И в «Атласе 1», и в «Атласе 2» заложены высокая степень гибкости. По аналогии с политикой санкций, проект может получить и другие дополнения. Их тематический список весьма широк – от применения военной силы и внутренних конфликтов до изменений политических систем и трансформации суверенитета (суверенитетов) современных государств. Отдельные тематические направления могут выделяться в подпроекты, дающие более глубокое понимание тех или иных аспектов. Подобные направления развития «Атласа 2» дают поистине бесконечные направления для дальнейшего научного поиска.

I.N. Timofeev*

**“Political atlas of the modern world 2.0”:
how to deal with the policy of sanctions?¹**

“Political Atlas of the Modern World 2.0” research project as well as its predecessor provides a wide range of opportunities to reveal the structures of the modern world composed of nation-states. At the same time, the project is missing a number of phenomena of contemporary international politics. One of them is the use of the instruments of economic coercion. Above all, such instruments imply economic sanctions, i.e. unilateral restrictive measures of nation-states vis a vis each other or particular persons in finance, trade, transportation and other economic domains to achieve political goals. The question is how to deal with sanctions under the framework of “Political Atlas of the Modern World 2.0”? The key point is that sanctions might be operationalized both in terms of internal threats for a nation-state as well as the component of its foreign policy toolbox. The article highlights understanding of a concept of sanctions, reveal major methodological problems related to empirical and theoretical research of sanctions and provides options to operationalize sanctions in a set of variables. The study of sanctions policy may become a subproject within the framework of the “Political Atlas of the Modern World 2.0” to expand the main

* **Timofeev Ivan**, MGIMO University (Moscow, Russia); Russian International Affairs Council (Moscow, Russia), e-mail: mctimoff@mail.ru

¹ The article was prepared within the consortium of MGIMO University and HSE University and funded by the grant for the implementation of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program.

database and also to develop of individual specialized topics within the overall framework of the project.

Keywords: Political Atlas of the Modern World 2.0; state; sanctions; sanctions policy; restrictive measures; database.

For citation: Timofeev I.N. "Political atlas of the modern world 2.0": how to deal with the policy of sanctions? *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 282–299. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.14>

References

- Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A.Yu. How and why should we measure and compare state capacity of different countries? Theoretical and methodological foundations. *Polis. Political studies*. 2019 a, N 2, P. 8–23. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02> (In Russ.)
- Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A.Yu. How and why should we measure and compare state capacity of different countries? An experiment with empirical research. *Polis. Political studies*. 2019 b, N 3, P. 49–68. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.04> (In Russ.)
- Ananyev B. Sanctions in IR: understanding, defining, studying. *International organisations research journal*. 2019, Vol. 14, N 3, P. 136–150. DOI: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-07> (In Russ.)
- Bapat N.A., Heinrich T., Kobayashi Y., Morgan T.C. Determinants of sanctions effectiveness: sensitivity analysis using new data. *International interactions*. 2013, Vol. 39, N 1, P. 79–98. DOI: <https://doi.org/10.1080/03050629.2013.751298>
- Beirsteker T.J., Eckert S.E., Tourinho M. (eds). *Targeted sanctions: the impacts and effectiveness of United Nations action*. New York: Cambridge university press, 2016, 405 p.
- Drezner D. *The sanctions paradox: economic statecraft and international relations*. New York: Cambridge university press, 1999, 342 p.
- Farrell H., Newman A.L. Weaponized interdependence: how global economic networks shape state coercion. *International Security*. 2019, Vol. 44, N 1, P. 42–79. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00351
- Giumelli F. The purposes of targeted sanctions. In: Beirsteker T.J., Eckert S.E., Tourinho M. (eds). *Targeted sanctions: the impacts and effectiveness of United Nations action*. New York: Cambridge university press, 2016, P. 38–60.
- Giumelli F., Hoffmann F., Ksiaczakova A. The when, where and why of European Union sanctions. *European security*. 2021, Vol. 30, N 1, P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1080/09662839.2020.1797685>
- Hufbauer G.C., Schott J., Elliott K.A., Oegg B. *Economic sanctions reconsidered*. 3rd Ed. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2009, 248 p.
- Jaeger M.D. *Coercive sanctions and international conflicts: a sociological theory*. London; New York: Routledge, 2018, 270 p.
- Melville A.Yu., Polunin Yu.A., Ilyin M.V., Mirnyuk M.G., Timofeev I.N., Meleshkina E.Yu., Vaslavskiy Y. *Political atlas of the modern world: an experiment*

- in multidimensional statistical analysis of the political systems of modern world.* Moscow: MGIMO university publ., 2007, 272 p. (In Russ.)
- Melville A.Yu., Mironyuk M.G. "Political atlas of the modern world" revisited. *Polis. Political studies.* 2020, N 6, P. 41–61. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.04> (In Russ.)
- Melville A.Yu., Malgin A.V., Mironyuk M.G., Stukal D.K. "Political atlas of the modern world 2.0": formulation of the research problem. *Polis. Political studies.* 2023, N 2, P. 72–87. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.06> (In Russ.)
- Rosenberg E., Harrell P.E., Feng A. *A new arsenal for competition: coercive economic measures in the U.S.-China relationship.* Center for a New American Security, 2020, 65 p. Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/resrep24222> (accessed: 28.01.2024).
- Timofeev I. Rethinking sanctions efficiency: evidence from 205 cases of the U.S. government enforcement actions against business. *Russia in global affairs.* 2019, Vol. 17, N 3, P. 86–108. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-3-86-108>
- Timofeev I.N. "Sanctions for Sanctions Violation": U.S. Department of Treasury Enforcement Actions against Financial Sector. *Polis. Political studies.* 2020, N 6, P. 73–90. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.06> (In Russ.)
- Timofeev I. Sanctions on Russia: a new chapter. *Russia in global affairs.* 2022, Vol. 20, N 4, P. 103–119. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-4-103-119>
- Timofeev I. Do sanctions really work? The case of contemporary western sanctions against Russia. In: Kirkham K. (ed.). *The Routledge handbook on the political economy of sanctions.* London: Routledge, 2023, P. 151–162.
- Timofeev I.N. How to study the policy of sanctions? The vision of empirical research. *Journal of international analytics.* 2023 a, Vol. 14, N 1, P. 22–36. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-22-36> (In Russ.)
- Timofeev I. U.S. Sanctions against China and Russia: comparative analysis. *World economy and international relations.* 2023 b, Vol. 67, N 11, P. 70–79. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-11-70-79> (In Russ.)
- Timofeev I.N. Policy of sanctions in a changing world: theoretical reflection. *Polis. Political studies.* 2023 c, N 2, P. 103–119. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.08> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Ананьев Б.И. Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации // Вестник международных организаций. – 2019. – Том 14, № 3. – С. 136–150. – DOI: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-07>
- Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания // Полис. Политические исследования. – 2019 а. – № 2. – С. 8–23. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02>
- Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Опыт эмпирическо-

- го исследования // Полис. Политические исследования. – 2019 б. – № 3. – С. 49–68. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.04>
- Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / Ин-т общественного проектирования, журн. «Эксперт»; [авт. коллектив – А. Ю. Мельвиль (рук.) и др.]; рук. проекта – А. Ю. Мельвиль. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 270 с.
- Мельвиль А.Ю., МIRONЮК М.Г. «Политический атлас современности» revisited // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 6. – С. 41–61. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.04>
- «Политический атлас современного мира 2.0»: к постановке исследовательской задачи / А.Ю. Мельвиль, А.В. Мальгин, М.Г. МIRONЮК, Д.К. Стукал // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 2. – С. 72–87. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.06>
- Тимофеев И.Н. «Санкции за нарушение санкций»: принудительные меры Министерства финансов США против компаний финансового сектора // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 6. – С. 73–90. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.06>
- Тимофеев И.Н. Как исследовать политику санкций? Стратегия эмпирического исследования // Международная аналитика. – 2023 а. – Т. 14. – № (1). – С. 22–36. – DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-22-36>
- Тимофеев И. Санкции США против Китая и России: сравнительный анализ // Мировая экономика и международные отношения. – 2023 б. – Т. 67, № 11. – С. 70–79. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-11-70-79>
- Тимофеев И.Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Полис. Политические исследования. – 2023 в. – № 2. – С. 103–119. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.08>